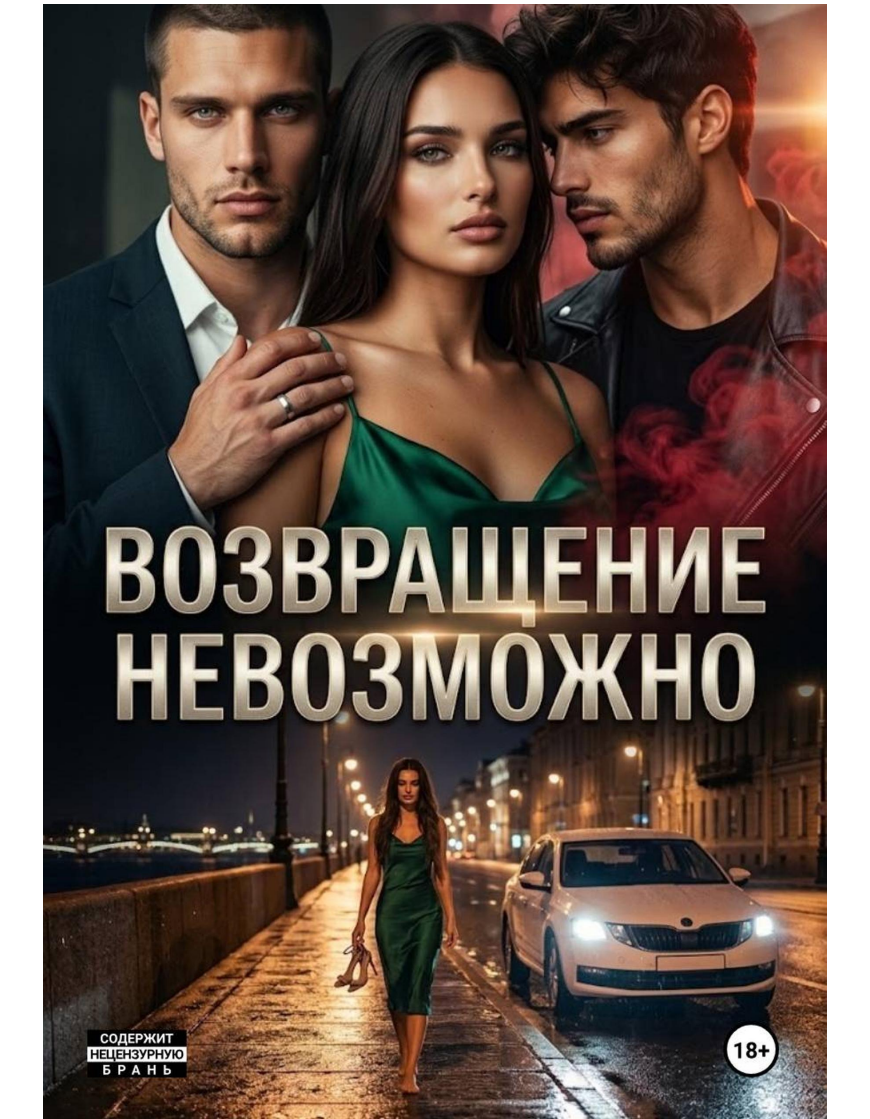




# ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# **А. Кач**

## **Возвращение невозможно**

*<https://litres.ru/74624274>*

*SelfPub; 2026*

### **Аннотация**

У Ярославы идеальная жизнь: успешный бизнес, роскошный дом и надежный муж, с которым они прошли путь от полуподвального зала до элитной сети. Вот только за этим глянцевым фасадом давно поселились холод и одиночество вдвоем.

Случайное сообщение из прошлого возвращает в ее жизнь Алексея — мужчину, которого она так и не смогла забыть за двенадцать лет разлуки. Случайная встреча в заснеженном дворе запускает цепную реакцию, остановить которую невозможно. Но как переступить черту, когда за твоей спиной десять лет брака, а оба мужчины готовы идти до конца?

Пронзительная, откровенная драма о том, как страшно ломать золотую клетку и как важно вовремя выбрать себя.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава                             | 4  |
| Глава 1. Идеальный механизм       | 5  |
| Глава 2. Призрачная идиллия       | 14 |
| Глава 3. Тишина                   | 21 |
| Глава 4. Вторник                  | 32 |
| Глава 5. За углом                 | 38 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 48 |

**A. Kach**

# **Возвращение невозможно**

**Глава**

# Глава 1. Идеальный механизм

Утро в нашей квартире на двадцать третьем этаже всегда начиналось с безупречного порядка. Никаких разбросанных вещей, никакой суеты — только густой аромат свежемолотой арабики, стерильный блеск темного мрамора и серый осенний рассвет, размазанный по панорамным стеклам.

Я стояла у кухонного острова, ту же затягивая пояс черного шелкового халата. Рядом на весах выстроились четыре пластиковых бокса: паровая индейка, спаржа, бурый рис, порция орехов. Все взвешено с аптекарской точностью.

Макс относился к еде как к топливу. Для него человеческое тело оставалось сложнейшим биомеханическим станком: залил качественное горючее, отработал на пределе, получил результат. Я же спорт, откровенно говоря, ненавидела. Все эти тренажеры, липкий пот, пульсометры и работа до мышечного отказа вызывали у меня только глухую тоску. Мне просто чертовски повезло с генетикой: тонкие ключицы, узкие запястья, точеная талия и длинные ноги достались мне даром. А остальное доделывал сумасшедший рабочий ритм. В круговороте переговоров, смет, графиков и бесконечных проверок я банально забывала поесть. Половину этих выверенных боксов я выбрасывала нетронутыми, существуя на воде и тройных шотах эспresso.

Из глубины спальни вышел Макс.

В свои тридцать пять он выглядел как ожившая реклама нашей сети: тяжелый разворот плеч, сухие литые мышцы, короткий темный ежик волос, по которому он привычно провел серым полотенцем, и светлые, цепкие глаза. Он был старше меня на пять лет, и эта разница всегда ощущалась как броня. Непробиваемая, надежная броня.

— Документы по лизингу оборудования для четвертого филиала «Титана» я завизировал, — бросил он своим низким, густым басом. — Проверь график платежей, юристы опять тянут с правками. Во сколько ты сегодня закончишь с аудиторами?

— К семи, если отчет сойдется с первого раза, — ответила я, сделав глоток обжигающего горького кофе.

Макс подошел ближе. Его тяжелая теплая ладонь опустилась мне на плечо.

— Бледная. Лицо осунулось, — его взгляд скользнул по моим скулам с привычной, вьевшейся педантичностью. — Опять вчера не добрала углеводы? Ярослава, мы на финальной стадии запуска нового флагмана. Мне нужна твоя ясная голова, а не обмороки. Пообедай нормально, не пропускай прием.

Он наклонился и прижал свои губы к моим.

Это был поцелуй законного мужа — уверенный, собственный, знакомый до мельчайшей черточки за десять лет. От него пахло мятой и дорогим мылом. Его пальцы привычно легли мне на затылок, чуть сжав темные волнистые пря-

ди. В этом жесте было все: право обладания, абсолютная безопасность, забота взрослого сильного мужчины.

И ни грамма того безумия, от которого подкашиваются колени. Мы просто поцеловались перед рабочим днем, как целуются тысячи пар, сросшихся в единое целое.

— Я на базу, нужно лично проконтролировать разгрузку партии тренажеров, — он отстранился, проведя большим пальцем по моей нижней губе. — До вечера.

Щелкнул замок входной двери.

«До вечера». «Ярослава».

Ни единого сбоя в интонации. В его мире сантименты считались лишней тратой ресурса, а забота измерялась надежностью банковских гарантий и безопасностью.

Я никогда не спорила с ним и не язвила. Я слишком сильно его уважала. Мы были вместе десять лет. Когда мне было двадцать, а ему двадцать пять, за нашими спинами не было ничего, кроме амбиций и пустых карманов. Мы открывали первый полуподвальный зал «Титана», самолично таская ржавые блины и обдирая кожу на ладонях. Спали прямо на матах в зале, считали дни до выплаты процентов по кредитам. Макс ломал стены, гасил любые наезды и держал железную дисциплину, а я вела расчеты, привлекала первых клиентов, создавала бренд и шаг за шагом превращала полуподвальную качалку в элитную сеть.

Мы вырастили «Титан» вдвоем. Мы были несокрушимой крепостью, безупречной парой для светской хроники. Макс

никогда не смотрел на других женщин, отдавал мне все карты и счета, закрывал любые запросы раньше, чем я успевала их озвучить.

К вечеру зарядил промозглый, липкий дождь.

Аудит мы закрыли триумфально: все сметы сошлись до копейки, инвесторы дали добро, и наша команда — финдиректор, пара ведущих юристов и начальник отдела развития — решила отметить успех. Мы завалились в модный лаунж-бар в переулке.

За нашим длинным столиком стоял гул голосов, звенели бокалы, коллеги наперебой поднимали тосты за грядущее открытие четвертого филиала «Титана». Я сидела во главе стола, сняв пальто и оставшись в черном приталенном жакете с открытыми плечами. Темные волнистые локоны рассыпались по ключицам. Я сделала глоток ледяного сухого белого вина, слушая очередную шутку коллег. Макс бы скривился: алкоголь задерживает воду, рушит метаболизм. Но сегодня мне просто хотелось немного выдохнуть среди этого праздничного шума.

Телефон на полированном дереве стола ожил звонком.

На дисплее высветилось: «**Макс**».

Шум бара тут же отошел на второй план. Я приложила палец к губам, давая знак коллегам говорить потише, привела дыхание в норму и провела пальцем по зеленой трубке:

— Да, Макс.

— Ярослав, ты еще в баре? — в динамике сквозь его глу-

хой бас слышался сытый рокот мотора. — Я закрыл вопросы по складу раньше. Стою на светофоре через перекресток. На улице ливень, не вызывай такси, я заберу тебя сам. Шеф-повар из клубного ресторана передал нам стейки с овощами на углях, поужинаем вместе. Выходи.

Я бросила взгляд на оживленный столик, на смеющихся коллег и свой недопитый бокал. Срываться прямо сейчас, бросать команду на середине тоста и ехать домой под строгий режим казалось нелепым.

— Макс, мы только сели с ребятами отметить аудит, всё прошло идеально, — мягко, с безупречной женской тактичностью произнесла я в трубку. — Не крутись по пробкам в переулках, здесь все запарковано. Я посижу еще полчаса, вызову такси сама и буду дома. Не жди меня.

Пауза на том конце провода продлилась чуть дольше обычного.

— Ладно, — наконец отозвался муж своим тяжелым, спокойным голосом. — Только вызывай бизнес. Дома поговорим.

Гудки.

Я медленно опустила трубку на стол. Коллеги уже спорили о дизайне новой спа-зоны, чокались и смеялись. Я откинулась на спинку дивана, сделав еще один глоток, и снова взяла телефон, чтобы проверить почту.

Но вместо рабочих писем на экране висело короткое уведомление с незнакомого номера. Всего три простых слова:

*«Привет. Как ты?»*

Я нахмурилась. Ни фото, ни имени. В моем ритме жизни входящие от незнакомых номеров были обычным делом: подрядчики, арендаторы, клиенты клубов. Мужчины вокруг меня крутились постоянно, и в коротком сообщении не было ничего подозрительного.

*«Добрый вечер. Мы знакомы?»* — набрала я на автомате.

Ответ прилетел почти сразу:

*«Были знакомы. Двенадцать лет назад. Это Лёха. Помнишь еще такого?»*

Дыхание на секунду сбилось, а шум голосов вокруг словно приглушили.

*Лёха.*

Я оперлась подбородком на ладонь, глядя на экран с неподдельным недоумением. Зачем? Спустя столько лет? Что вообще может понадобиться человеку из забытого спального района, с которым наши пути разошлись целую жизнь назад?

*«Привет. Память у меня хорошая. Но вопрос тот же: ты откуда взялся?»*

*«Да с Сёмой и Димоном сидим в гаражах на районе, пиво пьем. Вспомнили школу, двор. Пацаны твой контакт где-то выцепили. Говорят — напиши, узнай, как живет. Вот и написал».*

Я усмехнулась прямо в бокал. Вокруг меня сидели юристы и топ-менеджеры в дорогих костюмах, мы обсуждали мил-

лионные обороты сети, а они там, на районе, сидели в гаражах с пивом. Время для них просто застыло.

*«Живу отлично. Работаю много. Сами-то как?»*

*«По-старому всё. Я в такси ночами кручусь, днем железо в зале тягаю. Пацаны тоже при деле. Кстати, видел тебя сегодня днем».*

*«И почему не подошел поздороваться?»*

*«Да ты к тачке своей шла, по телефону говорила, вся в делах. Да и вообще... Я тебя лет пять назад в городе видел с мужем твоим. Здоровый такой шкаф, сразу видно — серьезный мужик. Лезть к замужней не по понятиям, сама знаешь. Вот и сегодня дергаться не стал».*

Пауза затянулась на пару минут. Официант принес за наш стол очередную тарелку с закусками, финдиректор помахал мне бокалом. Я улыбнулась ему, собираясь убрать телефон в сумочку — разговор исчерпал себя, обычный обмен дежурными фразами. Ничего особенного.

Экран снова мигнул:

*«Ты изменилась, Ясь. Красивая стала пиздец. Я сегодня стоял, смотрел, как ты в тачку садишься, и понял, что ни хрена я тебя за эти годы так и не забыл».*

В груди резко, глухо бухнуло.

Воздух в шумном зале словно стал вязким. Вот так. Без предисловий, без реверансов — в лоб, по-дворовому, с той самой мужской прямоотой, от которой внутри предательски дрогнуло.

Память мгновенно подкинула вспышку из прошлого: школьный двор, алая роза, сунутая мне в руки прямо посреди игры в волейбол, и его первый поцелуй у подъезда, когда у меня, шестнадцатилетней девочки, земля ушла из-под ног от незнакомой мужской энергетики. И загородный дом в восемнадцать, где он тяжело дышал мне в шею на втором этаже, готовый сгореть от желания, но остановился, потому что я испугалась.

Следом прилетело еще одно сообщение:

*«Обидно, что ты как раз сегодня без мужа отдыхаешь. Я бы сорвался щас, чисто увидеть тебя на пять минут, да сам уже накидался с пацанами, за руль нельзя. Давай завтра кофе попьем? В любое время подъеду куда скажешь».*

Вся моя напускная невозмутимость дала сбой. Это уже перестало быть дежурным обменом репликами. Это была неприкрытая, наглая заявка.

*«Это ты сейчас смелый, пока пьяный в гараже с друзьями. Завтра проспийся и никуда не поедешь. Спокойной ночи, Лёша».*

Я решительно заблокировала экран, отложила телефон и вернулась к разговору с коллегами. Но праздничное настроение смыло напрочь.

Через полчаса, тепло попрощавшись с командой, я вышла под морозящий дождь и села в заказанное такси.

Всю дорогу по мокрым проспектам я смотрела на пролетающие огни. В груди было душно. Я замужем. Я люблю Мак-

са. У меня идеальная, выверенная жизнь, а это — просто пьяный бред парня из юности, у которого разыгралась ностальгия. Мне не в чем себя упрекнуть, я не дала ни единого повода.

Но когда такси затормозило у ворот нашего ЖК, я вышла под козырек подъезда, достала трубку и на секунду замерла.

*«ни хрена я тебя за эти годы так и не забыл».*

Фраза стояла перед глазами. Если Макс случайно увидит это всплывающее уведомление утром на кухне... он не станет устраивать сцен, он просто молча посмотрит своим тяжелым, ледяным взглядом.

Палец нервно смахнул диалог влево.

*«Удалить чат?» — Да.*

Экран очистился. Я спрятала телефон на дно сумочки и вошла в холл, убеждая себя, что инцидент исчерпан.

Но в бесшумном лифте на двадцать третий этаж меня вдруг накрыло липкой тревогой: а если завтра он проснется трезвым и напишет снова? Прямо при Максе?

## Глава 2. Призрачная идиллия

Дверной замок щелкнул с мягким, солидным звуком, отрезая сырой гул ночного города.

В квартире царил привычный уют: пахло свежесваренным травяным чаем, теплом и чистым домом. В прихожей горел неяркий рассеянный свет.

Я разулась, аккуратно поставила замшевые лодочки на обувную полку и повесила пальто в зеркальный шкаф. Телефон скользнул в карман домашних брюк, когда я переоделась в мягкий шелковый костюм. Экран пока молчал.

На кухне щелкнула дверца микроволновки.

Макс стоял у острова, доставая белую глубокую тарелку. На нем были простые домашние трикотажные штаны и темно-серая футболка, плотно обтягивающая широкую спину и плечи. Домашний, надежный, родной. Он накрыл ужин полотенцем, чтобы не остыло, и только потом повернулся ко мне.

Лицо у него было слегка уставшим и насупленным. Эта его фирменная мужская обида читалась сразу: хотел сделать сюрприз, привез хороший ужин из ресторана, а жена осталась гулять с коллегами. Макс вообще любил, когда всё шло по его сценарию, и подобные мелкие сбои планов его задевали, хотя сцен он, разумеется, не устраивал.

— Явилась, — негромко произнес он, окинув меня дол-

гим взглядом. — Я стейк твой погрел. С овощами, как ты любишь. Садись давай.

— Макс, ну прости, — я подошла к нему сзади, обвила руками его крепкий, теплый торс и уткнулась носом между лопаток. От него пахло любимым гелем для душа и домом. — Аудиторы выжали из нас все соки за эту неделю. Ребятам нужно было выдохнуть, ну как бы я ушла в самом начале? Я же руководитель, мы одна команда.

Макс на секунду замер, потом тяжело вздохнул, накрыл мои ладони своими широкими, горячими руками и повернулся в кольцо моих рук. Посмотрел сверху вниз уже без былой сухости — просто с легким укором взрослого, любящего мужа.

— Команда командой, а дома тебя муж ждет, Ясь. Я специально со склада рванул пораньше, чтобы вдвоем посидеть нормально. Мы за этой стройкой вообще друг друга не видим толком.

— Я знаю. Я виновата, — искренне сказала я, поднимаясь на цыпочки и целуя его в чисто выбритую щеку.

Я действительно любила его. Любила за эту надежность, за то, что за десять лет он ни разу не предал, не подвел, за то, как он берег меня и всё, что мы вместе построили. Мне с ним было тепло и спокойно. Наша семья была тем самым редким островком абсолютной стабильности, о котором многие только мечтают.

— Ладно, подлиза, — Макс слабо усмехнулся, притянул

меня к себе за талию и крепко, по-хозяйски поцеловал в губы. — Ешь давай, остынет опять. Я себе чай налью, за компанию посижу.

Мы сидели за островом, Макс расспрашивал про замечания аудиторов, пересказывал, как на складе чуть не уронили новый блок кардиотренажеров, а я лениво ковыряла вилкой овощи, чувствуя, как дневное напряжение окончательно отступает. Все было хорошо. Правильно. На своих местах.

Около полуночи мы перебрались в спальню.

Телефон я положила на свою прикроватную тумбочку экраном вниз.

Макс лег рядом, привычно подмял меня под бок, закинув тяжелую ногу на мои бедра. Я устроилась щекой на его груди, слушая ровный, размеренный стук его сердца.

— Завтра в семь утра на базу метнусь, — сонно пробормотал он, перебирая пальцами мои волосы. — Ты спи, выспишься нормально.

— Угу... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Ясь.

Он отключился быстро — сказывался тяжелый день на ногах. Его дыхание выровнялось, рука на моей талии расслабленно потяжелела.

А я спать не могла.

В темноте спальни сквозь полуприкрытые шторы пробивался синеватый свет уличных фонарей. Я лежала, глядя в темноту, и стоило сознанию чуть ослабить контроль, как па-

мать снова, наперекор здравому смыслу, швырнула меня на четырнадцать лет назад.

Запах мокрого осеннего асфальта. Серый подъезд панельки на окраине.

Мне шестнадцать. Я стою у облупленной металлической двери своего подъезда в безразмерной серой толстовке и узких джинсах. Холодно до онемения в пальцах, но домой заходить нельзя — там мать опять будет расспрашивать про новую школу, про то, почему я не сижу за уроками.

Перед козырьком переминается с ноги на ногу Лёха. Спортивная куртка расстегнута, руки забиты в карманы спортивных, дыхание вырывается густым белым паром. На скуле — свежая темная ссадина после вчерашней драки за школьным гаражом.

— Замерзла, мелкая? — его голос тогда еще ломался, то оседая в низкий хрип, то взлетая.

— Не мелкая я, — огрызнулась я, пряча ладони в рукава. — И вообще, Лёш, иди домой. Пацаны твои уже на стадион ушли, чего ты тут со мной торчишь?

— Пускай идут, — он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию.

От него пахло улицей, яблочной жвачкой и тем самым диким, концентрированным теплом, от которого меня каждый раз бросало в дрожь. Он был выше меня на целую голову. Стоял вплотную, загораживая от ветра, и смотрел не так, как мальчишки из класса. Взрослый, тяжелый, темный

взгляд из-под козырька надвинутого капюшона.

— Чего ты пялишься? — шепотом спросила я, чувствуя, как сердце застучало прямо в горле.

— Нравишься ты мне, Ясь. Пиздец как нравишься, — выдохнул он прямо в холодный воздух между нами. Без стеснения, без глупых школьных ужимок. Просто рубанул наотмашь.

— Дурак, — пискнула я, пятась к стене подъезда. Спина уперлась в холодный шершавый кирпич.

Лёха шагнул следом. Медленно вынул руки из карманов. Ладони у него были грубые, горячие как печка. Он уперся одной рукой в стену рядом с моим ухом, отрезая путь, а второй осторожно, едва касаясь кончиками пальцев, провел по моей щеке.

— Не бойся меня, — хрипло сказал он. Его зрачки в полумраке подъездного фонаря были огромными, почти черными. — Я тебя не обижу. Никогда.

Он наклонился. Я в панике дернулась вбок, уперлась ладонями в его грудь — под тонкой курткой бешено колотилось его сердце.

— Не надо! Лёш, пусти, я... я не умею!

Он замер всего в паре сантиметров от моих губ. Посмотрел прямо в глаза. В его взгляде не было насмешки — только какая-то сумасшедшая, звериная нежность, от которой перехватило дыхание в легких.

— Я сам всё сделаю, — шепнул он прямо мне в губы, об-

жигая горячим дыханием. — Глаза закрой, глупая.

И накрыл мои губы своими.

Это не было похоже ни на что из того, о чем шептались девчонки во дворе. Его губы были обветренными, мягкими и невероятно уверенными. Он не спешил, не давил. Его горячая широкая ладонь переместилась мне на затылок, пальцы запутались в моих волосах, притягивая ближе, не оставляя ни единого шанса отстраниться.

В ту же секунду внизу живота оборвалась какая-то струна. Сладкая, парализующая волна жара прокатилась по телу, ударила в колени, превращая их в вату. Я вцепилась пальцами в его куртку, просто чтобы не упасть на этот чертов асфальт. Земля ушла из-под ног. В шестнадцать лет я не знала, что с мужчиной может быть *так*. Это было первобытно, страшно и сладко до боли.

Когда он медленно отстранился, его дыхание было рваным. Он прижался своим лбом к моему, не разжимая рук:

— Моя будешь. Поняла? Никому тебя не отдам...

Я резко распахнула глаза, выныривая из воспоминания, словно из ледяной воды.

Сердце стучало слишком громко. В спальне было тихо, Макс ровно дышал рядом, уткнувшись лицом в подушку.

Я осторожно, стараясь не пошевелить одеяло, высвободила руку. Пальцы нащупали на тумбочке холодный корпус телефона.

Чуть приподняв его, я прикрыла ладонью экран, чтобы

резкая вспышка света не ударила по темноте комнаты и не разбудила Макса. Дисплей послушно загорелся бледным светом, высвечивая время: 02:43.

Под часами было пусто. Ни значка мессенджера, ни единого нового уведомления.

Я тихонько выдохнула, чувствуя, как внутри одновременно схлынула паника и кольнуло что-то странное, похожее на глупую досаду.

«Спит уже, наверное, — подумала я, медленно опуская телефон обратно на тумбочку стеклом вниз. — Напился с пацанами и вырубился».

Я повернулась к Максy, прижалась к его теплomu боку и закрыла глаза. Всё было в порядке. Глупая ночная ностальгия.

Вот только сон так и не шел. А в голове крутилась одна дурацкая, навязчивая мысль: что я буду делать, если он всё-таки напишет, когда протрезвеет?

## Глава 3. Тишина

Лёха не написал ни на следующее утро, ни к обеду, ни через три дня.

Первые сутки я вздрагивала от каждого входящего сигнала на телефоне. Снимала трубку на деловых встречах со сбивающимся дыханием, судорожно бросала взгляд на экран во время совещаний совета директоров «Титана», прикрывала дисплей блокнотом. Ощущение, что за мной наблюдают, не отпускало ни на минуту.

Но экран молчал. Никаких сообщений с незнакомых номеров, никакой наглой дворовой прямоты.

Ни-че-го.

К концу недели страх окончательно сменился глухим, раздражающим недоумением. Он был пьян. Он просто накидался с пацанами в своих гаражах, вывалил в сеть первое, что стукнуло в хмельную голову, а на утро проснулся с трещащим затылком и всё забыл. Или, что еще вероятнее, трезвым мозгом осознал, куда полез. Вспомнил, что я замужем, прикинул разницу между водителем такси и совладелицей сети спортивных клубов и осадил сам себя. Поступил по-мужски, правильно, без лишней грязи.

Мне бы радоваться. Выдохнуть, перекреститься и выкинуть этот нелепый эпизод из головы раз и навсегда.

Но я не могла.

Эта тишина действовала на нервы сильнее любого назойливого преследования. Она царапала уязвленное женское эго. Я ловила себя на совершенно идиотских, постыдных мыслях: на обеде сидела в кофейне у окна, механически резала вилкой неизменный салат «Цезарь», запивала его черным кофе без сахара и смотрела на поток машин. Зачем я разглядывала желтые борта проезжающих мимо такси? Кого я там пыталась разглядеть сквозь бликующие стекла?

Вечерами дома всё текло по накатанным рельсам. Макс возвращался со склада, рассказывал про монтаж вентиляции, мы вместе смотрели строительные чертежи, пили чай, ложились спать в чистую постель. Обычный, надежный, нормальный брак.

И посреди этой безупречной стабильности меня накрывало. Стоило выключить свет и закрыть глаза, как мозг против воли начинал крутить старую пленку. Не нарочно, словно назло. Воспоминания всплывали сами: запах мокрого асфальта, тяжелый мужской взгляд из-под капюшона, шершавые пальцы на моей щеке и то странное, запретное чувство в шестнадцать лет, когда весь мир сузился до одного темного подъезда.

Я злилась на себя, переворачивалась на другой бок, утыкалась носом в теплую, ровную спину Макса и заставляла себя спать.

...

Через две недели Макс засобирался в Нижний Новгород.

Там намечался крупный форум по франчайзингу спортивного бизнеса, а заодно нужно было осмотреть две потенциальные площадки под выкуп.

— Я на три дня, Ясь, — сказал он в пятницу утром, застегивая дорожную сумку у входа. — Вернусь в воскресенье к ночи.

Я поднялась на цыпочки, чмокнула его в чисто выбритую челюсть и поправила воротник куртки.

— Езжай аккуратно, трасса мокрая.

— На связи, — он коротко сжал мое плечо, подхватил сумку, и дверь с глухим щелчком защелкнулась.

Квартира мгновенно погрузилась в звенящую, стерильную тишину.

В субботу днем я честно отработала в клубе, закрыла вопросы с инженерами, подписала промежуточные акты и к четырем часам вернулась домой. Тишина высотки встретила меня сквозняком из микропроветривания. Огромные комнаты, идеальный порядок, холодный мрамор. Мне вдруг стало физически не по себе оставаться здесь одной. Стены словно давили на плечи.

Не раздумывая, я набрала номер:

— Ань, ты дома?

— Дома, с отчетами сижу, — отозвалась в трубке младшая сестра. В ее голосе слышалась усталость. — А что такое?

— Макс уехал в Нижний до ночи воскресенья. Бросай всё, бери вещи и дуй ко мне. Закажем нормальной еды, откроем

бутылку вина, посидим по-человечески. Я одна здесь чокнусь.

В трубке повисла короткая, чуть натянутая пауза — Аня всегда странно замирала на секунду, когда я упоминала командировки или работу. Но тут же мягко ответила:

— Выезжаю, Ясь. Скоро буду.

Через час она уже была на пороге: румяная с холода, с растрепанным каре и пакетом из супермаркета.

Мы закрылись на кухне. На столе появились сырная тарелка, картошка фри, горячая пицца с хрустящими бортиками — еда, которую Макс назвал бы пищевым мусором и преступлением против метаболизма, — и первая бутылка терпкого красного. Мы болтали обо всем подряд: о ее работе в рекламном агентстве, о бесконечных кастингах дизайнеров, о планах на зиму.

Вино мягко расслабило. За первой бутылкой незаметно пошла вторая.

К девяти вечера разговоры перетекли в воспоминания — юность, старая школа, общие знакомые.

— Ань, — я крутила на тонкой ножке бокал, наблюдая за рубиновыми каплями на стекле, — помнишь Лёху? Ну, со двора. Из пятиэтажки за котельной.

Аня на секунду замерла с куском пиццы, удивленно вскинув брови:

— Лёху? Который тебе розочки таскал? Смутно, Ясь, мне ж тогда вообще лет двенадцать было. А чего ты его вспом-

нила вдруг?

— Он мне написал две недели назад, — призналась я, и даже просто произнести это вслух оказалось странным облегчением. — Когда мы аудит закрывали. Сидел с пацанами в гаражах, где-то номер мой достали. Писал пьяный, что не забыл меня. Звал кофе попить.

Аня замерла, внимательно вглядываясь в мое лицо. В ее взгляде промелькнула сложная смесь тревоги и пристально-го, почти осторожного сочувствия:

— И что ты?

— Сказала, что он пьяный бред несет, и чат удалила. А он больше и не объявлялся. Трезвый, видимо, понял, что чушь сморозил.

Аня медленно опустила кусок на тарелку, вытерла пальцы салфеткой и тихо, очень мягко произнесла:

— Ну и ладно. Зачем ворошить то, что сто лет назад закончилось? Ты вся на взводе в последнее время, глаза усталые... Слушай, а поехали развеемся? Чего мы дома в четырех стенах сидим? Давай в караоке махнем? Сто лет там не орали песни, покричим, пар выпустишь.

Алкоголь окончательно вымыл из головы деловую осторожность.

— А поехали!

Через сорок минут мы уже вываливались из такси у входа в шумный караоке-бар в центре.

Там был полумрак, неоновый синий свет, вибрирующие

от басов стены и запах кальяна. Мы взяли еще по коктейлю, потом повторили. Смеялись, пели дурные хиты нашей юности, срывая голос, перекрикивали музыку. В крови гулял гремучий коктейль из алкоголя, внезапной свободы и адреналина.

Около половины первого ночи Аня ушла в дамскую комнату.

Я осталась за столиком одна. Музыка вокруг долбила по вискам, цветные лучи прожекторов резали темноту.

Я достала телефон. Пальцы двигались словно отдельно от меня, повинаясь какому-то затянувшемуся, глупому упрямству.

Я открыла мессенджер. Забила в поиск тот самый незнакомый номер, который, как оказалось, намертво отпечатался в моей зрительной памяти, хотя я удалила переписку две недели назад.

Никаких сложных заходов. Всего одно слово:

*«Спишь?»*

Статус собеседника мгновенно сменился на зеленый: *«В сети»*. Будто он только и ждал.

Спустя десять секунд прилетел ответ:

*«Пока нет. А ты чего не спишь, Ясь?»*

Губы сами растянулись в улыбке. Ни удивления, ни лишних вопросов о том, кто пишет. Он знал.

*«Мы с сестрой в караоке в центре сидим, напелись уже до хрипоты. Ты же вроде в такси крутишься по ночам? Забери*

нас. Адрес скину».

Экран замигал многоточием — Лёха печатал.

*«Сестру без проблем до дома докину. А вот тебя не отпущу».*

В груди жарко полыхнуло. Нагло, по-хозяйски, в лоб — всё в его стиле.

*«Губу закатай, таксист. Домой поедет обе».*

*«Да я бы с радостью обеих докинул, только не в городе я ишас. Вернусь только во вторник к вечеру».*

Внутри кольнула внезапная, глупая досада, но градус алкоголя требовал продолжения.

*«Понятно. Значит, опять мимо. Всё по залам своим пропадаешь?»*

*«Ну а куда без этого. Форму держать надо, я ж не молодёю. Хотя ты вон вообще не меняешься, худая такая же, как в школе».*

*«Генетика, Лёш. И нервы. Я этот спорт, если честно, терпеть не могу. Но статус обязывает, приходится соответствовать».*

Ответ пришел с еле заметной паузой:

*«Так для хорошей формы не обязательно штангу тягать. Есть упражнения поинтереснее, где и пульс под двести, и калории горят за милую душу. И железо не нужно».*

Я фыркнула прямо в экран, сделав глоток из бокала. Подтекст был настолько прозрачным, что щеки обожгло настоящим жаром.

«Ой, удивил. Думаешь, я за десять лет брака об этих твоих упражнениях“ не в курсе?»

«Да я так, к слову. Мало ли, забыла».

Я нажала на кругляшок его профиля. Аватарка простая, без пафоса: Лёша в обычной черной майке у зеркала в старом зале, на плечах серое полотенце. Никаких модельных поз, просто широкие плечи, крепкие руки с выступающими венами и взрослое, жесткое лицо с короткой щетиной. От угловатого дворового мальчишки ничего не осталось — передо мной был взрослый, физически сильный мужик.

Смахнув снимок обратно в чат, я с легкой насмешкой набрала:

«Судя по тому, в какой ты сам форме, у тебя этих тренировок“ через день и без выходных».

На этот раз Лёша ответил почти мгновенно, и сквозь текст прямо-таки слышалась его кривая, чуть насмешливая ухмылка:

«Огорчу тебя, Ясь. У меня чисто зал. А с этими упражнениями глухо уже очень давно. Не тянет как-то. Всё одну дуру из головы выкинуть не могу, прикинь?»

Дыхание перехватило.

Шум караоке, пьяные крики за соседним столиком, вибрирующий бас колонок — всё разом оглохло, превратилось в далекий белый шум. Воздух в легких стал плотным, как смола.

«Всё одну дуру из головы выкинуть не могу, прикинь?»

Слова жгли сетчатку. Он не давил, не умолял, не навязывался — просто констатировал факт с той убийственной дворовой честностью, против которой у меня не было ни защиты, ни брони.

В ту же секунду на плечо опустилась холодная ладонь сестры:

— Ясь, ты чего зависла? — Аня плюхнулась на диван рядом, поправляя волосы перед зеркалом. — Я песню заказала, пошли орать, наша очередь!

Я вздрогнула, судорожно заблокировала экран и спрятала телефон в сумочку. Пальцы мелко, предательски дрожали.

— Да... пошли, — хрипло отозвалась я, поднимаясь на ватных ногах.

Следующий час пролетел как в густом бреду. Мы с Аней срывали голос в микрофоны, смеялись, танцевали в душной толпе под оглушающие басы, чокались очередными бокалами. Со стороны казалось, что я просто прожигаю субботнюю ночь, сбрасывая груз бесконечных планерок и аудитов. Но внутри, под толстым слоем музыки и алкоголя, всё время горела одна и та же фраза. Она въелась под кожу, пульсировала в висках: *«Всё одну дуру из головы выкинуть не могу, прикинь?»*

Домой мы добрались на такси далеко за три ночи. Аня, на ходу зевая и путаясь в полах куртки, рухнула на разложенный гостевой диван и отключилась буквально за пару минут.

Я заперла дверь, на цыпочках прошла в темную, огром-

ную спальню. В тишине высоты шум караоке всё ещё звенел в ушах тонким звоном. Снянув платье и смыв в темноте ванной остатки косметики, я нырнула под одеяло.

Кровать была непривычно пустой и прохладной.

Я повернулась на бок, подтянула колени к груди и достала телефон. В полумраке комнаты экран полоснул по глазам бледным светом.

Диалог висел на том же месте. Он не стал напечатывать следом, не требовал ответа на свое признание — просто ждал. Знал, что слова попали точно в цель.

Я долго смотрела на его статус: *«Был в сети 40 минут назад»*.

Внутри боролись два человека. Одна — взрослая, рассудительная Ярослава, совладелица сети «Титан», у которой есть имя, статус, принципы и безупречный брак. Другая — та шестнадцатилетняя девчонка из спального района, которую задели за самое живое, которой до безумия захотелось хоть на мгновение вырваться из этого вылизанного, душного аквариума.

Пальцы заскользили по клавиатуре. Без лишних соплей. Без прямых обещаний. Только сухая наводка — мяч на его стороне:

*«Я каждый будний день обедаю в кофейне у Титана“ с 13:00 до 14:00. Столик у окна. Захочешь увидеть — найдёшь меня там»*.

Сердце колотилось так, словно я нажала на курок.

Не давая себе времени передумать и удалить сообщение, я коснулась стрелочки отправки, тут же заблокировала экран и спрятала телефон под подушку.

Обратного пути больше не было. Во вторник он вернется в город.

## Глава 4. Вторник

В воскресенье вечером вернулся Макс.

В прихожей тяжело бухнула на пол дорожная сумка. От него пахло мокрой кожаной курткой, бензином дальних трасс и холодом. Он привычно сгреб меня в охапку, прижал к жесткой груди и коротко, требовательно поцеловал в висок.

— В Нижнем всё подписали, — глухо сказал он, разуваясь и устало разминая шею. — Место под новый зал идеальное, проходное. Завтра юристы начнут вычищать договор. Ты как выходные провела?

— Аня заезжала, — ответила я, глядя, как он вешает куртку на плечики. Голос прозвучал абсолютно ровно, деловито, без единой фальшивой ноты. Десять лет рядом с сильным, подозрительным мужчиной учат идеальной выдержке. — Посидели, пиццу заказали. В субботу в караоке выбрались ненадолго, покричали старые песни.

Макс хмыкнул, проходя на кухню и открывая холодильник:

— Правильно. Тебе полезно голову разгружать. Только в зале завтра не халаявь, у тебя кардио по графику.

— Конечно.

Телефон лежал в кармане домашних брюк и словно прожигал ткань. В мессенджере под моим ночным сообщением горели две крошечные серые галочки: «Доставлено». И ни

одного слова в ответ.

Лёха прочитал и промолчал.

В понедельник жизнь потекла по привычной колее. Бесконечные звонки, согласование поставок тренажеров, замеры влажности в бассейне. В тринадцать часов я спустилась в кофейню, съела свой дежурный «Цезарь», выпила двойной американо и ушла обратно в стеклянные коридоры «Титана». Никто не появился. Да и не должен был: он же сам написал, что вернется только во вторник.

Но наступил вторник.

С самого утра день не задался. Моросил мерзкий, колючий дождь со снегом. На планерке я дважды переспросила главного бухгалтера об одной и той же цифре в смете, поймав на себе ее удивленный взгляд. В одиннадцать часов Макс зашел ко мне в кабинет, положил на стол папку с договором аренды и внимательно посмотрел мне в глаза:

— Ясь, ты в порядке? С утра дерганая какая-то. Не выспалась?

— Погода дурацкая, голова раскалывается с самого утра, — я заставила себя спокойно улыбнуться и коснулась пальцами виска. — Аудит закрыли, теперь за стройку переживаю. Всё нормально, Макс.

— Меньше накручивай, — он коротко сжал мою ладонь. — Я на объект до вечера, там стяжку заливают. Если что срочное — звони.

— Угу. До вечера.

Когда за ним закрылась тяжелая дубовая дверь кабинета, часы на стене показывали 12:40.

Двадцать минут.

Я подошла к узкому зеркалу у шкафа. Поправила воротник молочно-белой шелковой блузки, заправила ее в строгие графитовые брюки, подчеркивающие узкую талию и длинные ноги. На губах — нейтральный блеск. Волосы уложены в аккуратную волну. Безупречная, холодная, недостижимая леди из руководства холдинга. Но пульс под тонкой кожей на запястье колотился как бешеный.

«Он не приедет, — говорила я себе, накидывая на плечи черное кашемировое пальто. — Это просто глупость. Взрослый мужик не сорвется с дороги ради призрака из школы. Он даже не ответил».

Ровно в 13:00 я толкнула тяжелую стеклянную дверь кофейни.

Колокольчик над входом звякнул, впуская меня в теплое пространство, пахнущее корицей, обжаренными зернами и влажными зонтами.

— Здравствуйте, Ярослава. Ваш столик, как всегда, — приветливо кивнула девушка-бариста за стойкой.

— Добрый день, Алина. Спасибо. Мне всё то же самое.

Я прошла в глубину зала, к своему угловому столику у большого панорамного окна. Села в мягкое кресло спиной к декоративному фикусу. Достала рабочий планшет, положила перед собой телефон экраном вниз.

Улица за стеклом жила своей серой, мокрой жизнью. По проспекту медленно ползли ряды машин, редкие пешеходы прятались под черными куполами зонтов. Официант принес глубокую тарелку с салатом и высокую фарфоровую чашку с горячим черным кофе.

13:15.

Я медленно накалывала на вилку лист романо. Еда казалась абсолютно безвкусной, сухой, словно бумага. Горло перехватило.

13:30.

Кофе в чашке почти остыл, подернувшись тонкой пленкой. Я механически листала на планшете отчет по закупке кардиозоны, но буквы и цифры расплывались перед глазами.

«Идиотка, — со злостью подумала я, глядя на экран смартфона, где цифры перещелкнулись на 13:42. — Какая же ты дура, Ярослава. Сама написала, сама назначила место, сама сидишь и ждешь, как школьница. Зачем? Чтобы доказать себе, что ты еще кому-то нужна, кроме своей железной империи?»

Внутри поднималась едкая, унижительная волна стыда и досады. Он не приехал. Он даже не собирался. Нормальный мужик просто посмеялся над пьяным ночным порывом замужней дамы из высшего общества и занялся своими делами.

В 13:55 я молча расплатилась картой, накинула пальто и вышла под ледяной дождь. На парковке не было ни знакомых

машин, ни силуэтов у тротуара. Никого.

В среду всё повторилось.

Я снова пришла в кофейню ровно к часу дня, убеждая себя, что просто соблюдаю свой привычный обеденный график. Но взгляд каждые две минуты предательски дергался к стеклянным входным дверям при каждом звоне колокольчика. Столик оставался пустым. Салат — недоеденным.

В четверг пошел первый настоящий снег, серый и липкий. Я просидела у окна все шестьдесят минут, тупо глядя в остывающий американо. С улицы заходили чужие люди — офисные клерки, курьеры в ярких куртках, женщины с пакетами из бутиков. Лёхи не было.

К пятнице нервное ожидание выжгло меня дотла, оставив вместо тревоги глухую, ледяную пустоту.

«Хватит, — жестко сказала я себе, глядя на свое отражение в лифте перед обедом. — Тебе тридцать лет. У тебя всё есть. Ты сама придумала себе эту драму на пустом месте».

В пятницу я даже не смотрела на вход. С тринадцати до четырнадцати я демонстративно изучала смету на гидроизоляции саун, тщательно пережевывала куриную грудку и заставила себя выпить кофе горячим. Ни одного взгляда на парковку. Ни одной проверки телефона.

Игру в ностальгию пора было закрывать. Он не пришел во вторник, не появился среди недели и не придет никогда. Для него это была просто пустая переписка в гараже, о которой забывают на следующий день.

И слава богу.

В 13:58 я встала из-за стола, натянула пальто и решительным шагом направилась к выходу из кофейни. Внутри разливалось странное, горькое спокойствие: шторм прошел мимо, жизнь устояла, фасад остался цел.

Я толкнула дверь, колокольчик глухо звякнул за спиной.

Холодный сырой воздух обжег щеки. Улица шумела мокрыми шинами по асфальту, мимо спешили прохожие, кутаясь в шарфы.

Лёха так и не появился. Ни у тротуара, ни среди машин, ни в толпе.

Нигде.

Я поправила воротник пальто, повернулась на каблуках и зашагала обратно — к стеклянным дверям «Титана», к отчетам, графикам и своей правильной, безупречной жизни. Всё закончилось, даже толком не начавшись.

## Глава 5. За углом

Прошло две недели.

Ноябрь окончательно затянул город промозглой серостью. Работа в «Титане» накрыла с головой: мы согласовывали последние дизайн-проекты интерьеров, Макс буквально ночевал на объектах, выбивая из подрядчиков нужные сроки. Моя жизнь вернулась в привычное, жесткое русло. Про дурацкий эпизод с кофейней и Лёхой я запретила себе даже думать. Переболело, отпустило, забылось. Контроль был восстановлен.

В пятницу у Ани был день рождения — двадцать четыре года.

Шумных тусовок сестра не любила, поэтому мы договорились посидеть у нее дома вдвоем, без лишних людей. К семи вечера я приехала к ней с огромным букетом кремовых пионов и коробкой с подарком — дорогими часами, о которых она давно мечтала.

На кухонном столе у Ани дымились домашняя лазанья, в ведерке со льдом стояло сухое просекко. Мы сидели на уютных мягких стульях, смеялись, вспоминали детство, примеряли часы на тонкое запястье сестры.

Около половины девятого телефон, лежавший рядом с сырной нарезкой, коротко щелкнул входящим сообщением.

Я скользнула взглядом по экрану: знакомая аватарка с ши-

рокими плечами в зале и короткий текст:

*«Привет. Как дела? Чем занята?»*

В груди ничего не оборвалось — ни паники, ни сладкого трепета. Только холодное, сухое раздражение. Спустя две недели молчания? После того, как я просидела четыре дня как полная дура у окна, высматривая его в толпе?

Аня разливала вино по бокалам: — Кто там, по работе?

— Да спам какой-то, — небрежно бросила я, отпивая глоток.

Я взяла телефон в руку. Пальцы двигались лениво, с показным безразличием.

*«Добрый вечер. Нормально. У сестры на дне рождения сию».*

Ответ прилетел почти сразу:

*«Понял. Поздравь от меня. Долго там будешь?»*

*«Еще час и домой поеду».*

*«Ясно. Отдыхайте».*

И всё. Ни извинений за сорванную неделю, ни объяснений. Я с глухим стуком опустила телефон на стол экраном вниз. Мужская простота, граничащая с наглостью. Ну и катись.

В одиннадцать вечера я вернулась домой.

В квартире пахло свежесваренным чаем с чабрецом. Макс уже был дома — принял душ после стройки, надел серые мягкие треники и развалился на широком угловом диване в гостиной. На огромном настенном экране мерцали на-

чальные титры старого триллера, звук стоял на минимуме.

— Пришла? — Макс повернул голову, окинув меня теплым взглядом. — Как мелкая? Довольна часами?

— В восторге, полчаса ремешок подгоняли, — я сбросила сапоги, скинула пальто и подошла к дивану. — Устал?

— Спина гудит, опять арматуру вручную перекидывали, кран сломался. Иди ко мне, фильм досмотрим и спать.

Я переоделась в домашний кашемировый костюм, налила себе стакан воды и забралась на диван под его тяжелое, горячее плечо. Макс привычно приобнял меня, запустив пальцы в мои распущенные волосы, медленно перебирая пряди. На экране шло спокойное детективное расследование, за окном падал редкий снег. Идиллия. Покой. Моя законная, взрослая жизнь.

В 23:25 телефон в кармане штанов задрожал.

Короткий виброотклик.

Я не стала дергаться, чтобы не привлечь внимания Макса. Медленно вытянула трубку, держа ее так, чтобы свет экрана не падал на лицо мужа, и приоткрыла мессенджер.

*«Я на районе у тебя кручусь. Могу подъехать минут через десять. Выйдешь на пару минут?»*

Сердце глухо, с перебоем стукнуло в грудину.

*«С ума сошел? Я дома. С мужем. Фильм смотрим».*

Лёха напечатал ответ мгновенно, без тени сомнения:

*«Захочешь — выйдешь. Причину всегда можно найти: к подруге, к сестре, в круглосуточный за минералкой. Чисто*

*пять минут, Ясь. Увидеть тебя хочу».*

Горло перехватило.

«Захочешь — выйдешь». Наглая дворовая уверенность, которая вышибала из колеи. Макс спокойно дышал рядом, глядя в телевизор, его рука мерно гладила меня по плечу. Предать это спокойствие прямо сейчас, встать с дивана и пойти на мороз к чужой машине казалось чистым безумием.

Но пальцы уже сами набирали текст. Механически, против логики, против страха:

*«К подъезду не суйся. Тут камеры и шлагбаум. Припаркуйся за углом микрорайона, у шиномонтажки».*

*«Понял. Буду через семь минут на белой Октавии».*

Я заблокировала экран. Воздух в комнате словно сгустился. В ушах тонко звенело.

— Макс, — я шумно выдохнула и с досадой прижала пальцы к переносице.

Он скользнул по мне взглядом, не убирая руки с плеча: — Чего такое?

— Слушай, ну я дура, просто слов нет... — я сокрушенно покачала головой с самой правдоподобной виноватой улыбкой. — Я когда от Аньки уезжала, ее связку ключей от квартиры со стола машинально в карман пальто засунула вместе со своими. Она же после меня сразу к подружке поехала отмечать дальше. Сейчас на такси к себе возвращается, лезет в сумочку — а ключей нет. Домой попасть не может. Попросила таксиста мимо нашего перекрестка крутануть, стоит вон

за углом ждет. Я на секунду сбегая, отдам ключи и назад.

Макс хмыкнул, слегка покачав головой:

— Ну вы даете, две растеряхи.

— Ага, я пулей, две минуты!

Я выскользнула в прихожую. Руки мелко дрожали, пока я натягивала короткий черный пуховик прямо поверх домашнего костюма, сунула ноги в теплые угги и сжала в кулаке пустую домашнюю связку ключей для верности. Замок щелкнул.

Лифт с двадцать третьего этажа падал целую вечность. Зеркало в кабине отразило мое бледное лицо, лихорадочно блестящие глаза и темные растрепанные волосы.

Выйдя из подъезда, я обогнула охрану, прошла под шлагбаумом и почти бегом припустила по заснеженному тротуару. Морозный воздух обжигал легкие.

За углом микрорайона, метрах в ста пятидесяти от ворот, в темном кармане возле закрытой на ночь шиномонтажки стояла белая «Октавия». Габариты были выключены, из выхлопной трубы валил густой сизый пар.

Я подошла к пассажирской двери, на секунду замешкалась, глядя на запотевшее стекло, взялась за холодную ручку и потянула на себя.

В нос ударило сухое тепло печки, запах мужского парфюма и крепкого кофе.

На водительском сиденье в полумраке салона сидел Лёха. В расстегнутой темной куртке, широкие плечи, руки на по-

тертом руле.

Он повернул голову и посмотрел на меня в упор своими темными, немигающими глазами.

— Привет, Яся, — негромко сказал он. — Садись, замерзнешь.

Я юркнула на переднее пассажирское сиденье и захлопнула дверь, отрезая морозный ноябрьский ветер.

Запотевшие боковые стекла надежно скрывали нас от улицы, создавая плотный, интимный полумрак. Сердце колотилось в горле так, что я едва могла дышать.

— Сразу говорю: у меня максимум десять минут, — выпалила я. — Муж ждет наверху. Я сказала, что сестре ключи вынесла.

Лёха не шелохнулся. Он сидел вполоборота, положив одну тяжелую руку на руль, а вторую опустив на рычаг коробки передач, и медленно, без стеснения разглядывал меня. Взгляд скользнул по моим растрепанным ветром волосам, по бледным щекам, домашним штанам и уггам.

— Выглядишь отлично, Ясь, — спокойно сказал он, и его голос в тесном пространстве машины звучал глубже, бархатнее, чем по телефону. — Домашняя такая. В школе тебя такой не видел. Только с бокалом ты что-то часто мелькаешь в последнее время.

Я нахмурилась, уязвленная замечанием: — В смысле?

— В прямом, — усмехнулся он в короткую щетину. — То среди недели в ресторане обмываешь аудит, то в субботу в

караоке на рогах песни орешь, теперь вот у сестры на дне рождения с вином сидела. Почти каждые выходные под градусом. Не многовато для хозяйки фитнес-империи?

— Это просто совпадение, — огрызнулась я, чувствуя, как краснеют уши. — Выдался сложный месяц, нервы ни к черту. Имею я право выдохнуть? Ты сам-то, помнится, в гараже не компот с пацанами глушил, когда мне среди ночи написывал.

Лёха тихо хмыкнул, покачав головой:

— То был единичный случай. Пацаны из армии сослуживца встретили, собрались раз в год, вот и дернули лишку. Я вообще не пью, Ясь. Режим, тренировки, да и за рулем постоянно. Организм жалко травить этой дрянью.

— Святой прямо, надо же, — съязвила я, стараясь вернуть себе привычную маску уверенной в себе женщины. — И давно ты такой правильный стал?

— Лет с двадцати, наверное, — он пожал широкими плечами. Повисла короткая пауза, наполненная ровным шумом работающего мотора. — Ну, рассказывай. Как вообще жизнь? Кроме стройки и залов своих.

— Да как... — я отвела взгляд на лобовое стекло, где дворники лениво смахивали редкие мокрые хлопья. — Работаем. Строимся. Всё время куда-то бежим, людей нанимаем, судимся с поставщиками, расширяемся. День пролетает — не замечаешь. Вся жизнь в графиках расписана на полгода вперед.

— Скучно живешь, получается, — просто сказал он.

— Нормально я живу! Стабильно, понятно, без потрясений.

— Ну да, — протянул он с едва заметной иронией. — Стабильно. Только почему-то среди ночи в тапках на мороз ко мне в тачку прыгнула. От хорошей стабильности, видимо.

Я вспыхнула, открыла рот, чтобы осадить его, поставить на место, напомнить про статус и дистанцию...

И не успела.

Лёха вдруг подался вперед. Без резких рывков, но с такой неотвратимой, подавляющей силой, что я даже не успела отшатнуться к двери.

Его тяжелые, сильные руки легли мне на спину, обхватили поперек лопаток и властно, намертво прижали меня к его широкой груди. Он просто сгреб меня в охапку, как девчонку, лишая всякой возможности шевельнуться.

— Лёш... — выдохнула я в панике.

От неожиданности мои ладони сами собой уперлись ему в торс, пытаясь оттолкнуть. Но пальцы сквозь плотную ткань толстовки наткнулись на глухую, каменную стену. Под трикотажем не было ни грамма лишнего — только литые, жесткие плиты грудных мышц и монолит пресса. Тело живое, бешено горячее, дышащее настоящей первобытной силой. Не высушенное спортивными диетами, а тяжелое, выкованное тоннами железа.

Запах морозного воздуха, мужского одеколona и теплого

хлопка ударил в голову сильнее любого алкоголя.

Лёха замер, уткнувшись подбородком мне куда-то в макушку. Он не пытался поцеловать, не распускал руки — просто держал меня в этом железном замке, шумно и глубоко вдыхая запах моих волос. Его сердце колотилось где-то прямо под моей щекой — мощно, гулко, тяжело.

В салоне воцарилась оглушительная, ватная тишина.

Мир за пределами запотевших окон «Октавии» перестал существовать. Пропал Макс, ждущий на двадцать третьем этаже, растворился включенный фильм, исчезли камеры ЖК, бизнес, приличия, десять лет безупречного брака. Время словно густой сироп застыло в одной точке. Эта пауза длилась секунд пятнадцать, но для меня она растянулась в бесконечную, тягучую вечность, от которой по спине бежали мурашки, а внизу живота разгорался опасный, тянущий жар. Мои пальцы против воли сжались на его толстовке, сминая плотную ткань.

Я испугалась. Испугалась не его — себя и того, как легко мое тело предало все внутренние запреты.

Сделав судорожный вдох, я с трудом оторвала ладони от его груди. Подняла руки выше, нащупала его запястья — широкие, с проступающими сухожилиями.

Медленно, преодолевая глухое сопротивление его мышц, я потянула его сцепленные за моей шеей руки вверх. Приподняла это кольцо из его сильных предплечий через свою голову и осторожно опустила вниз, разрывая объятия и ото-

двигаясь обратно к пассажирской двери.

Дыхание сбилось, щеки пылали.

Лёха не стал удерживать силу — он позволил мне это сделать, но остался сидеть в паре сантиметров, глядя на меня потемневшими, тяжелыми глазами, в которых плескался чистый адреналин.

Я сглотнула вязкую слюну, выпрямилась и, стараясь придать голосу максимум строгости, негромко произнесла:

— Я вообще-то замужня, Лёш.

Он не ответил — только медленно перевел дыхание, глядя на меня с тяжелым, нечитаемым выражением лица, и опустил руки на колени. Словно сам опомнился, возвращаясь в реальность.

— Всё. Мне пора, — быстро сказала я, нащарив пальцами холодную ручку двери. Сердце колотилось в горле, щеки до сих пор горели от близости его тела. — Макс потеряет.

Я толкнула дверь и выскользнула из душного, наэлектризованного салона в морозный ноябрьский воздух. Резкий ветер сразу ударил в лицо, остужая пылающую кожу.

Хлопнула водительская дверь.

Лёха тоже вышел. Он обошел капот своей «Октавии» и встал рядом со мной на заснеженном тротуаре, сунув руки в карманы куртки. Из-под колес машины тихо шел пар. В свете далекого желтого фонаря его фигура казалась огромной и темной.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.